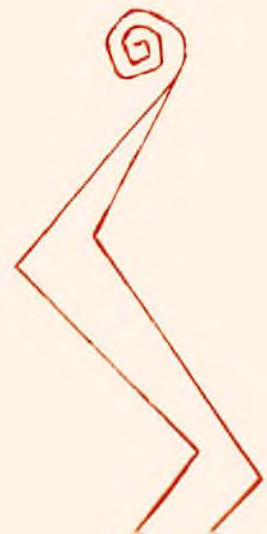

ნიკოლოზ ბარათაშვილი

ლირიკა

ნიკოლოზ ბარათაშვილი

ლირიკა

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА»

НИКОПОЗ БАРАТАШВИЛИ

ПИРИКА

Перевод с грузинского
Б. ПАСТЕРНАКА и М. ЛОЗИНСКОГО

Издательство
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
Москва 1967

С (Груз) 1
Б 24

Вступительная статья
ЛАВРОСИЯ КАЛАНДАДЗЕ

Оформление художника
Н. Шишловского

7-4-3
76-67

НИКОЛОЗ БАРАТАШВИЛИ

Как это ни печально, путь признания и поэтической славы Николоза Бараташвили прошел через три могилы. Трижды подвергался погребению прах поэта. Он умер двадцати восемью лет от роду, в 1845 году, вдали от родных и от отчизны (в Гандже, нынешнем Кировабаде) и почти в полном одиночестве. Чужая земля приняла его прах впервые. Пророческими оказались строки из его стихотворения «Мерани».

Пусть не усну я в земле отчизны среди старинных могильных плит,
Пусть дорогая мой останки слезой печальной не окропит.

Тогда еще родной народ не знал своего великого поэта. Он умер, так и не увидев напечатанной ни одной строки своих стихов. Их знали в рукописях только близкие друзья и родственники. Первый сборник стихов поэта вышел через несколько десятков лет после его смерти. Вспыхнул свет большой поэзии. И через сорок восемь лет после смерти поэта, в 1893 году, народ смог перенести его прах в Тбилиси и предать земле в Дидубийском пантеоне деятелей грузинской культуры.

Такой «беспристрастный» наблюдатель, каким был начальник Тифлисского жандармского управления, доносил 7 марта 1894 года

департаменту полиции: «Грузины снова подняли забытый вопрос о перенесении из Ганджи в Тифлис праха умершего в начале века поэта Бараташвили. С особой целью вырыли они из земли какие-то кости и под видом праха национального поэта перенесли их в Тифлис, где его встречала многотысячная толпа. Прах с большими почестями предали земле.

Гроб переходил из рук в руки, люди почти всех сословий оспаривали его друг у друга, и даже женщины старались как-нибудь принять участие в несении гроба, хотя бы несколько шагов. Матери приводили своих детей, ставили их на колени перед гробом и воздавали праху почести, как святыне».

Прошло еще 45 лет, и уже новая, советская Грузия в 1938 году перенесла прах поэта из Дидубийского пантеона в Мтацминдский, где обретают вечный покой самые достойные представители национальной культуры. И Николоз Бараташвили по справедливости занял среди них одно из первых мест.

Николоз Бараташвили принадлежит к числу тех, в творчестве которых интенсивно аккумулируется духовная жизнь целого народа. Историческая судьба родины поэта — судьба Грузии — отразилась не только в его творчестве, но в некотором смысле и в его личной судьбе.

Николоз Бараташвили родился в 1817 году в Тбилиси, в семье родовитого грузинского князя. По материнской линии он был потомком прославленного Картли-Кахетинского царя Ираклия Второго. Известный грузинский поэт Григол Орбелиани, исполнявший одно время даже обязанности наместника российского императора в Закавказье, доводился ему дядей. Гимназическим же учителем, подлинным духовным наставником Бараташвили был выдающийся представитель тогдашней прогрессивно-демократической мысли, автор одного из первых учебников логики на русском языке — Соломон Додашвили. Словом, личность поэта формировалась в кругу образованных для своего времени людей. Им не были чужды идеи французских просветителей и русских декабристов. В их духовном укладе своеобразно сплетались мечты о независимости

Грузии, желание свыкнуться с российским управлением, большая печаль об утере национальной независимости, воспоминания о былом величии и предчувствие грядущего потрясения основ крепостничества. Такое умонастроение было и у юного Николоза Бараташвили. Это был период в жизни поэта, когда, по его же словам, «ясное, бежало время среди сверстников и друзей», и внутренний голос призывал его к высокой миссии служения родине. Впоследствии об этом зове души он писал дяде — Григолу Орбелиани: «Внутренний голос зовет меня к лучшему уделу, сердце говорит мне: ты не рожден для нынешнего. Не спи! Я не сплю. Но мне нужен кто-нибудь, кто бы вывел меня из тесных стремнин на простор. О, как свободно вдохнул бы я тогда». Но вокруг не оказалось никого, кто бы протянул поэту руку. Высшие круги общества были отравлены ядом индивидуализма и равнодушия, даже поэт столь обостренных чувств, как Григол Орбелиани, не смог во всей глубине понять наделенного высоким поэтическим даром племянника. Жизнь Н. Бараташвили сложилась не так, как думалось и хотелось ему. Ни одному из его юношеских мечтаний не дано было осуществиться. В отроческие годы перелом ног оборвал его мечту о военной службе. Не удалось поехать и в Россию поступить в университет — семья, впадшая от разгульной жизни и болезней отца в долги, не только не могла поддержать юношу, но и сама требовала от него помощи и заботы. И он был вынужден служить чиновником в «Экспедиции суда и расправы», несмотря на то, что, как он сам признавался, хорошо знал: «Круг чиновников невыгоден для образования нравственности».

И в любви, очевидно, не миновало поэта коварство мира; в душе любимой тщеславие, желание подняться на верхнюю ступень социальной иерархии пересилило непосредственное и чистое чувство, и горечь сознания этого послужила еще одной причиной разочарования в жизни.

Какое крушение надежд должен был испытать юный поэт, чтобы написать родственнице и другу своему Майко Орбелиани:

«Жизнь осточертела мне от столь тягостного одиночества. Представь себе, Майко, горечь положения человека, у которого есть и отец, и мать, и сестра, много родственников, и все же он чуждается всех и сир в этом полном и огромном мире. Те, кто казались мне посетителями высоких чувств, — бессердечны; чьи души казались мне возвышенными — бездушны; кто казался осененным свыше талантом — не обладает даже рассудком; слезы, казавшиеся слезами сострадания, выражением прекрасной души, — поток лицемерия, капли страшного яда! Где приютить одинокую душу, куда приклонить голову?»

Это одиночество поэта — непримиримость высокого разума, глубоко чувствующего сердца и чистой совести с коварством и превратностями мира. Поэт часто жаловался на равнодушие, царящее вокруг, на распад духовных связей между людьми.

В воспоминаниях близких и знакомых поэт предстает перед нами человеком активной натуры, острого и трезвого ума, веселого нрава, добрым и отзывчивым... И этот полный жизни, совсем молодой человек угас, едва достигнув зрелости своего большого таланта.

Жизненные тяготы, конечно, не могли не наложить отпечатка на творчество поэта. Трагизм, пронизывающий всю его поэзию, был выражением и его личной судьбы.

* * *

После Шота Руставели — на протяжении почти шестисот лет — никто не поднимал грузинскую поэзию до столь высокого национального и общечеловеческого значения, до какого возвел ее Николай Бараташвили, не воздвигалось другой такой поэтической вершины, как венец его творчества — стихотворение «Мерани», хотя этот длинный отрезок жизни грузинского народа был достаточно хорошо освоен поэтически. Монгольское нашествие XIII века катастрофически задержало развитие грузинской культуры, но

прекратить его все же не смогло. Об этом свидетельствуют замечательные произведения выдающегося баснописца и ученого-лексикографа Сулхана-Саба Орбелиани, поэта оригинальной формы, певца любви Бесики Габашвили, печального летописца бед Грузии Давида Гурамышвили, поэтов-романтиков Александра Чавчавадзе, Григола Орбелиани и др.

Однако Николоз Бараташвили вдохнул в грузинскую поэзию новую душу.

Наследие его невелико по объему: всего тридцать семь стихотворений, одна небольшая поэма и около двадцати личных писем. Но в нем запечатлен большой и прекрасный поэтический мир.

Глубоко и искренне высказав свое душевное волнение, свои мысли и устремления, он глубже всех выразил дух опечаленной Грузии в один из тяжелейших периодов ее истории, — еще не затянулась на теле страны рана от пережитой столь недавно большой национальной трагедии — от тяжелейших последствий нашествия Ага-Магомет-хана.

Под сенью России грузинскому народу удалось тогда спастись от полного физического уничтожения, но Грузия утратила независимость. Как следствие двойного гнета — социального и национального — один за другим следовали крестьянские бунты, подавляемые со всей жестокостью царскими властями. В 1832 году был организован заговор передовых представителей грузинского высшего общества против российского самодержавия за возрождение национальной независимости. Заговор, по существу, был лишен глубокого внутреннего единства и общей реальной опоры. И, как и следовало ожидать, окончился неудачей. В это время Н. Бараташвили было пятнадцать лет, и он, конечно, не мог стать участником заговора, но по своим настроениям, безусловно, был близок к взглядам прогрессивной части ее участников.

Страна многовековых культурных традиций, естественно, не могла смириться со своей горькой участью, жаждала выхода. В подобные периоды общественной жизнью обычно завладевают

тяжелые думы. Мучительные раздумья охватили и Грузию... Действительность направляла национальную духовную энергию к пытливой мысли, к углубленному самоанализу. Да и сама эпоха обостряла противоречие между личностью и окружающим ее миром.

Николоз Бараташвили — самый глубокий поэтический выразитель Грузии, задумавшейся перед своим бессилием превозмочь судьбу. И не случайно все его творчество проникнуто раздумьями о судьбах страны и людей, о жизни и смерти, об отношениях человека и мира, о любви и нравственности, об общественном долге и личной свободе. Он идет в мир с раздумьями и сквозь призму раздумий воспринимает мир. Его поэтическое видение обострено напряженной мыслью. Его непосредственные чувства всегда переплетены с потоком внутренних дум и сомнений.

Стихи совсем еще юного, девятнадцати-двадцатилетнего поэта — «Сумерки на Мтацминде», «Раздумья на берегу Куры» — уже отмечены своеобразной поэтической мудростью и вдохновенностью. Мтацминда кажется ему другом замкнувшихся в себе людей. В ее глухих, безлюдных уголках, среди мрачных скал, в сумерки, охватившие молчаливые окрестности, поэт прислушивается к движениям своей души, читает свои мысли, которые устремятся к небу, но не могут достичь его... Душа поэта ищет пристанища в высшем мире, чтобы уйти от земного. А здесь, в величественные сумерки, полные трагизма, — это ощущается не только в словесной ткани стиха, но и во взволнованном ритме и музыке, — раскрываются боли времени и отчизны, обратившиеся в большую печаль поэта. И все же в нем дышит надежда, что

За ночью день настанет.
И солнце вновь взойдет.
И свет разгонит мрак.

Печальные раздумья охватывают поэта и на берегу Куры. Он не знает, о чем шепчет река — свидетельница многих веков. Но о чем бы ни шептала она, ей не заглушить скорби поэта, кото-

рому жизнь людская представляется пустой и суетной, а бытие человека — ненаполнимым сосудом. Даже сильнейшие и добрейшие из живущих в этом мире — пленники тщеты и суеты. Однако поэт не приходит к полному отрицанию жизни, находит ее смысл в труде ради отчизны, ради людей.

Но мы сыны земли, и мы пришли
На ней трудиться честно до кончины.
И жалок тот, кто в памяти земли.
Уже при жизни станет мертвечиной.

Для поэта природа — прежде всего источник переживаний, обитель раздумий, а не только объект, подлежащий описанию. Поэт жаждет проникнуть в тайны природы, а не созерцать ее.

Мрачна была действительность бараташвилевской Грузии. Она не могла ни примириться со своей судьбой, ни преодолеть ее. Поэтому-то жажду самоутверждения и обретения свободы мыслящая Грузия перенесла в сферу мечты и духовных устремлений. Именно это и было почвой романтизма Н. Бараташвили. Ему не были чужды романтические мотивы Пушкина и Мицкевича, Байрона и Лермонтова. Но главным источником его творчества являлись конкретные исторические условия жизни родной страны, родного народа, творческие традиции грузинской художественной мысли, и в первую очередь традиции Руставели. Поэт не принимал существующего порядка мира, но не видел сил, могущих низвергнуть его. А сознание невозможности перестроить этот отвратительный мир порождало в нем стремление уйти в мир своих мечтаний и переживаний, искать эстетический идеал не во враждебной ему окружающей действительности, а в порывах своей души.

Николоз Бараташвили исключает из поэзии все случайное. Его не захватывают ни случайный восторг, ни случайная печаль. Поэзия для него — мудрость глубинных чувств, охватывающих существенные связи мира.

Первопричина душевной настроенности поэта, его дум и устремлений хорошо раскрывается в поэме «Судьба Грузии». Название

ее — не случайно. Вопрос судьбы вообще — один из самых мучительных вопросов для поэта. А вопрос о судьбе Грузии, вопрос о том, что уготовляет стране переход под покровительство России,— занимал тогда все лучшие умы нации.

В основе сюжета поэмы — Крцанисская битва и ее последствия. Это была последняя большая битва независимой Грузии, битва с полчищами Ага-Магомет-хана на подступах к Тбилиси. Поражение в ней повернуло колесо истории Грузии.

Поэма не содержит широких эпических картин исторической жизни страны и народа. По существу — она своеобразное лирико-романтическое осмысление исторического пути страны. Потому-то эпическая струя в ее композиции несет лишь вспомогательную поэтическую функцию и часто сменяется вдохновенными лирическими излияниями, ярко выявляющими душевный порыв поэта, его надежды и чаяния.

На трагическом ключе начинается поэму горячая молитва царя Ираклия перед битвой, проникнутая предчувствием грозящей беды.

Картины битвы даны эскизно. Это словно своеобразная драматическая подготовка к тому, чтобы спеть вдохновенную, скорбную величальную мужам Грузии, сложившим головы за отчизну.

Тематическую сердцевину поэмы, в которой и заключена ее основная проблематика, представляет драматическое противопоставление двух точек зрения, двух концепций,— примирения с судьбой и непримиримости с нею.

В Мтиулет, на берегу Арагви, укрывшись после проигранной битвы в старой башне, царь Ираклий и его советник Соломон спорят и судят о том, какой путь избрать истерзанной и разоренной врагом Грузии — войти ли под покровительство единоверной России или продолжать борьбу за независимость.

Ираклий — трагическая личность. Он — мужественный воин и полководец, со славой прошедший во имя независимости родины почти сто боев,— вынужден избрать путь покорности судьбе. Внутренне это угнетает его, но он мыслит реалистически, знает, что Ага-Магомет-хан отныне не даст Грузии покоя, что не премнут

воспользоваться поражением Грузии и другие неприятели и со всех сторон ринутся на страну враги, тем более что и внутри — «братья терзают друг друга». Поэтому Ираклий намерен отдать царство под защиту русского царя, чтобы он «дал Грузии благоденствие».

Соломон стоит на противоположной позиции, воплощая дух непримиримости с судьбой. Его глубоко волнует и огорчает намерение царя. Он считает, что единство веры ничего не даст стране, «если нрав так различен в навыках обоих». Российские цари не смогут ни понять характера грузин, ни удовлетворить их желаний и устремлений, и сыны родины окажутся обреченными на тяжкие муки. Соломон непреклонен, он прислушивается к голосу собственного сердца, не исходит из трезвой оценки действительности. Потеря национальной независимости и свободы кажется ему самым большим несчастьем.

Единомышленицей Соломона оказывается и его супруга — Софья. Даже можно сказать, что именно она и выражает основную мысль поэмы, ее философию. Узнав о намерении царя, Софья с горечью говорит, что, как бы ни относились покровители к ее родной стране, дух ее народа все же будет подавлен.

Вместе со своими героями поэт встревожен падением нравов, притуплением патриотического сознания, последовавшим за утратой национальной независимости. Надо думать, что это была одна из тех тайных мук, которые предсказывал Соломон. Печальная интонация слышна и в финале поэмы. Поэт не приемлет философии примирения и восторгается непреклонностью Софьи. Тем не менее поэт оправдывает исторический шаг царя Ираклия — присоединение Грузии к России. Он хорошо понимает, что царь выбрал путь примирения с судьбой не как утверждение судьбы, а как одну из наиболее гибких форм борьбы с ней в условиях, когда стране грозила опасность полной гибели. И в этом проявилась историческая прозорливость.

«Судьба Грузии», как уже было сказано, — ключ ко всему творчеству поэта.

Тема судьбы народа переплелась с темой судьбы человека. Углублением человеческой мысли в проблему человеческой судьбы и рождается «Мерани» — неувыдаемый шедевр всей многовековой грузинской поэзии.

Ошибались и ошибаются те, кто изыскивает лишь литературные аналогии к «Мерани» или ищет его литературные источники, обходя или совсем не замечая, что, как гора из недр земли, это стихотворение вырастает и пробивается из всего творчества поэта, что оно, по существу, продолжает и углубляет художественно-идейные мотивы ранних произведений поэта, и в частности поэмы «Судьба Грузии».

«Мерани» — захватывающая поэтическая симфония единороства личности с судьбой. В нем как бы в единой мелодии слито разноголосье многих человеческих волнений и мучительных раздумий. Редко бывает, чтобы в изреченном словами с такой силой, как в «Мерани», ощущалось и сказанное и невысказанное.

В стихотворении «действуют» три силы, три образа: всадник, Мерани, ворон. Всадник — мятежная душа самого поэта, и все стихотворение — его обращение к Мерани. Мерани — бешено несущийся благородный конь, — образ, идущий из грузинской мифологии. Ворон же — черный, с дурным глазом, вестник ужасов и смерти, — общераспространенный символ рока.

В драматической экспрессии стиха читается стремление мятежной души разорвать все путы, которыми оплели ее темные силы зла и неминуемости, а сплетение этих темных сил и есть судьба, есть то, чего не избежать. Как будто нет выхода. Но нет, поэт освобождается от безнадежности. С судьбой можно и нужно бороться устремленностью вперед, движением, действием, непримиримостью. Свет высокой души может рассеять мрак неизбежности. Поэт провидит иной гармонический мир за пределами судьбы.

«Мерани» — величественное романтическое воплощение непокорной и несгибаемой души человека. Вслед поэту-всаднику, которого без пути-следа мчит Мерани, каркает черный ворон. Это фантастико-драматическая картина, вырисовывающаяся уже в первых

строках стихотворения, в последующем напряженно нарастающем движении стиха наполняется глубоким содержанием,— путь борьбы с судьбой есть путь преодоления безнадежности, усталости, страха смерти. И все это раскрывается с поэтической конкретностью, свободной от какой-либо риторики: Мерани должен рассечь вихри, разрезать волны, преодолеть горные кручи, лететь так, чтобы сократить нетерпеливому всаднику дни пути, презирать бури, презирать зной и не щадить усталого наездника. Ведь от этой усталости нить ведет к той утомленности, которую в поэме «Судьба Грузии» олицетворяет царь Иракий. Разве не ощущается утомленность многострадальной страны в его словах: «Требуется некий перелом. Надо дать грузинам отдышаться». Позже поэт этот мотив усталости с еще большей лирической силой выразил в прекрасном стихотворении «Моя молитва». Моля бога утишить его земные страсти и само молчание счесть за молитву к нему, поэт ищет мирного пристанища:

Ключ жизни, утоли мою печаль
Водою из твоих святых истоков.
Спаси мой чело от бурь мирских пороков
И в пристань тихую его причаль.

В «Мерани» мотив утомленности, взятый в ее крайнем выражении, доводится до его отрицания. Тут жажда покоя отброшена неуемностью, беспредельной устремленностью Мерани. Этот сильный душевный порыв должен рассеять черные беспокойные мысли, стереть с души следы зла и порока времени, ибо, как писал поэт в 1842 году (год создания «Мерани») Маико Орбелиани: «Истинное счастье, высшее наслаждение, которое человек получает от этого мира», это только от «...красоты души, непорочности сердца», «на другие радости мира взирай холодно, гордо и знай, что они преходящи».

Лишь освободившаяся от темных наслоений времени душа может приобщиться к высшей гармонии — доверить свою тайну звездам. На пути, ведущем к этой гармонии, можно не сожалеть о

расставании ни с отчизной, ни с близкими и родными, ни с возлюбленной. Своей душевной экспрессией поэт прорывается за грани национального, за пределы родины:

Где ночь наступит, где свет застанет,—
 пусть там и будет родимый дом.
О, лишь бы верным поведать звездам,
 что в темном сердце горит моем!

Поэт прекрасному, восторженному и безумному порыву Мера-ни дает развеять стон своего сердца — след любви. И это также преодоление превратностей и зла мира... Ведь любовь, вдохновившая поэта на такие творения любовной лирики, как «Княжне Е[катери]не Ч[авчава]дзе», «Серьга», Е[катери]не, когда она цела под аккомпанемент фортепиано», «Глаза с туманной поволокою...», «Как змеи, локоны твои распались...», «Вытру слезы средь самого пыла...» и др., на самом деле оставила в его сердце глубокую рану, горечь оскорбленного чувства. Известно, что юный поэт самозабвенно любил дочь поэта Александра Чавчавадзе — Екатерину. Мы не знаем перипетий и внутреннего драматизма этой любви, знаем только о резком расхождении жизненных путей поэта и его возлюбленной — она стала супругой владельца Мегрелии Дадиани. Но кто знает, упивалась ли счастьем красавица или какое-то печальное предчувствие все же мучило ее, когда влюбленный в нее поэт, рукописный сборник стихов которого уже лежал у нее, боролся со смертью где-то далеко, в землянке, и в бреду предавался несбыточной мечте — «губы жадные серьгой прохладною чуть-чуть остудить...» Но чем была бы история одной несчастной любви, если бы она гением поэта не превратилась в факт немеркнувшей поэзии? Надо думать, что и в стихотворении «Я храм нашел в песках...», в котором говорится о коварстве мира, судьбы и людей, об одиночестве, именно трагедия личного чувства поднята до столь глубокого человеческого трагизма, до истинной поэзии.

Однако это чувство одиночества сливается с душевной устремленностью поэта, пробившейся в бешеной скачке Мера-ни, как ее

внутренний импульс. И доведенное до крайности чувство трагизма разряжается и выливается в свою полную противоположность — в счастливое чувство освобождения от тисков судьбы:

Несись, Мерани, мой конь крылатый,
умчимся вместе, за грань судьбы.
Твой всадник не был пленником рока и с ним,
как прежде, жаждет борьбы!

Единоборство с судьбой ведет к отрицанию неизбежности рока. Сам порыв, действие и стремление есть постоянное, непрерывное высвобождение из когтей судьбы. И поэта-всадника — закланного врага рока, постигшего животворный смысл вечного стремления, — не страшат угрозы и удары судьбы:

Пусть погибну я, роком проклятый, им сраженный,—
Меч о меч, как враг, буду биться с ним, непреклонный.

Но поэт видит, что тут нельзя поставить точку. Ему становится ясным, что бессмысленной и бесцельной будет вся эта трагическая эпопея борьбы с судьбой, если она останется порывом лишь одного отчужденного от людей смертного и не обратится в духовный опыт всего рода человеческого, в опыт, который облегчит им трудный путь в грядущее. Поэтическая мысль от личного возвышается до общественного, поэзия устремленности наполняется социальным содержанием, когда он говорит:

Твоей дорогой мой брат грядущий проскачет смелый, быстрее меня
И, поравнявшись с судьбиной черной, смеясь, обгонит ее коня.

По существу, это было развитие гражданского мотива, затронутого поэтом еще в «Раздумьях на берегу Куры», а затем и в стихотворении «Не упрекай, любимая».

«Мерани», таким образом, своеобразный синтез поэзии Н. Бараташвили. Бег Мерани не преодолел все противоречия этой поэзии, не преодолел окончательно индивидуализма и пессимизма

поэта. После «Мерани» появилось его очень сильное стихотворение «Злобный дух», проникнутое мрачным пессимизмом — скептический дух времени убил в Н. Бараташвили все светлые юношеские порывы и надежды. Но по всему видно было, что огромный талант поэта был охвачен стремительностью его Мерани. И он шел к новым вершинам как в творчестве, так и в своей непримиримости со злом. Недаром же назвал Илья Чавчавадзе безвременную его смерть — безбожной.

Лавросий Каландадзе

СТУХОТВО
РЕНИЯ

СОЛОВЕЙ И РОЗА

Нераскрывшейся розе твердил соловей:
«О владычица роза, в минуту раскрытья
Дай свидетелем роскоши быть мне твоей —
С самых сумерек этого жду я события».

Так он пел. И сгустилась вечерняя мгла.
Дунул ветер. Блеснула луна с небосклона.
И умолк соловей. И тогда зацвела
Роза, благоуханно раскрывши бутоны.

Но певец пересилить дремоты не мог.
Хоры птиц на рассвете его разбудили.
Он проснулся, глядит: распустился цветок
И осыпать готов лепестков изобилье.

И взлетел соловей, и запел на лету,
И заплакал: «Слетайтесь, родимые птицы.
Как развеять мне грусть, чем избыть маету
И своими невзгодами с кем поделиться?»

Я до вечера ждал, чтобы розан зацвел,
Твердо веря, что цвeсть он уж не перестанет, —
Я не ведал, что подвиг рожденья тяжел
И что все, что цветет, отцветет и увянет».

1834

КЕТЕВАНА

Шумит и пенится сердито
И быстро катится река.
Кустами берега покрыты
И зарослями тростника.

Кто это, голову грустно понуря,
Смотрит с обрыва в водоворот?
Перебирая струны чонгури¹,
Девушка в белом громко поет.

«Насытишься ли ты, злоречье?
Не насмехайся, не язви
Над каждым мигом нашей встречи
Из зависти к моей любви.

Зачем, поверив лжи бесстыдной,
Ты до того, мой друг, дошел,
Что преданности очевидной
Ты голос злобы предпочел?

¹ Чонгури — струнный музыкальный инструмент.

Зачем не изучил заранее
Мой образ мыслей, сердце, нрав?
Зачем мне расточал признанья,
Чтобы убить, избаловав?

Зачем согнул мою гордыню,
На муку сердце мне обрек?
Зачем бесплодием пустыни
Дохнул на юности цветок?

Я верую: моя кончина —
Переселенье в мир иной.
Уверившись, как я невинна,
Ты в небе встретишься со мной».

Она умолкла. И нежданно
В словах, затихших над волной,
Узнал я голос Кетеваны,
Чарующий и неземной.

Шорох паденья скоро разнесся —
Страшный и неотвратимый удар.
Девушка бросилась в воду с утеса,
Крикнув пред смертью: «Мой Амилбар!»

СУМЕРКИ НА МТАЦМИНДЕ¹

Люблю твои места в росистый час заката,
Священная гора, когда твои огни
Редуют, и верхи еще зарей объаты,
И по низам трава уже в ночной тени.

Не налюбуеться! Вот я стою у края.
С лугов ползет туман и стелется к ногам.
Долина в глубине как трапеза святая.
Настой ночных цветов плывет, как фимиам.

Минутами хандры, когда бывало туго,
Я отдыхал средь роц твоих и луговин.
Мне вечер был живым изображеньем друга.
Он был как я. Он был покинут и один.

Какой красой была овеена природа!
О небо, образ твой в груди неизгладим.
Как прежде, рвется мысль под купол небосвода,
Как прежде, падает, растаяв перед ним.

¹ М т а ц м и н д а — гора, возвышающаяся над Тбилиси.

О боже, сколько раз, теряясь в созерцанье,
Тянулся мыслью я в небесный твой приют!
Но смертным нет пути за видимые грани,
И промысла небес они не познают.

Так часто думал я, блуждая здесь без цели,
И долго в небеса глядел над головой,
И ветер налетал по временам в ущелье
И громко шелестел весеннею листвою.

Когда мне тяжело, довольно только взгляда
На эту гору, чтоб от сердца отлегло.
Тут даже в облаках я черпаю отраду.
За тучами и то легко мне и светло.

Молчат окрестности. Спокойно спит предместье.
В предшествии звезды луна вдали взошла.
Как инокини лик, как символ благочестья,
Как жаркая свеча, луна в воде светла.

Ночь на Святой горе была так бесподобна,
Что я всегда храню в себе ее черты
И повторю всегда дословно и подробно,
Что думал и шептал тогда средь темноты.

Когда на сердце ночь, меня к закату тянет.
Он сумеркам души сочувствующий знак.
Он говорит: «Не плачь. За ночью день настанет.
И солнце вновь взойдет. И свет разгонит мрак».

ТАИНСВЕННЫЙ ГОЛОС

Чей это странный голос внутри?
Что за причина вечной печали?
С первых шагов моих, с самой зари,
Только я бросил места, где бежали
Детские дни наших игр и баталий,
Только уехал из лона семьи,
Голос какой-то невнятный и странный
Сопровождает везде, постоянно
Мысли, шаги и поступки мои:
«Путь твой особый. Ищи — и найдешь».
Так он мне шепчет. Но я и доныне
В розысках вечных и вечно в унынье.
Где этот путь и на что он похож?
Совести ль это нечистой упрек
Мучит меня затаенно порою?
Что же такого содеять я мог,
Чтобы лишить мою совесть покоя?
Ангел-хранитель ли это со мной?
Демон ли мой искуситель незримый?

Кто бы ты ни был, поведай, открой,
Что за таинственный жребий такой
В жизни готовится мне, роковой,
Скрытый, великий и неотвратимый?

1836

ДЯДЕ ГРИГОЛУ¹

Родину ты потерял по доносу,
Сослан на север в далекий уезд.
Где они — дедовской рощи откосы,
Место гуляний, показа невест?
Но и в изгнанье, далеко отсюда,
Ты не забудешь родной толчеи.
Парами толпы веселого люда
Шли, оглашая аллеи твои.
Жаль, что не видишь ты на расстоянье
Нынешних наших девиц-щеголих.
Как бы припомнил ты очарованье
Сверстниц своих и избранниц былых!

1836

¹ Григол Орбелиани (1800—1883) — известный поэт-романтик, дядя Н. Бараташвили. За участие в заговоре в 1832 году был сослан в Польшу.

НОЧЬ В КАБАХИ¹

Люблю этих мест живописный простор.
Найдется ли что-нибудь в мире волшебней,
Чем луг под луною, когда из-за гребня
Повеет прохладой ветер с Коджор?

То плавно течет, то клокочет Кура,
Изменчивая, как страсти порывы.
Так было в тот вечер, когда молчаливо
Сюда я зашел, как во все вечера.

С нарядными девушками там и сям
Толпа кавалеров веселых бродила.
Луна догадалась, что в обществе дам
Царит не она, а земные светила.

И скрылась за тучи, оставшись в тени.
«Ты б спел что-нибудь, — говорят домочадцы

¹ Кабахи — сад в Тбилиси, принадлежавший роду Орбелиани.

Любимцу семьи, одному из родни,—
Любое, что хочешь. Не надо ломаться».

И вот понемногу сдается певец.
Становится, выпятив грудь, начинает,
И кто не взволнуется, кто не растает
От песни, смертельной для женских сердец?

Тогда-то заметил я в белом одну,
И вижу, она меня тоже узнала.
И вот я теряюсь, и сердце упало,
Я скован, без памяти я и в плену!

Я раз ее видел в домашнем кругу.
Теперь она ланью у тигра в берлоге
Средь шумного общества стынет в тревоге,
И я к ней, смутясь, подойти не могу.

Вдруг взгляд ее мне удается поймать,
И я подхожу к ней, волненья не пряча,
И я говорю ей: «Какая удача!
Я счастлив, что с вами встречаюсь опять».

«Спасибо,— она говорит,— что хоть вы
Меня не забыли. Теперь это мода». —
«Ваш образ не могут изгладить ни годы,—
Я ей возражаю,— ни ропот молвы».

И вдруг ветерок колыхнул ей подол,
И ножка тугая, как гроздь винограда,
На миг обозначилась из-под наряда,
И волнами сад предо мною пошел.

И выплывший месяц, светясь сквозь хрусталь,
Зажег на груди у нее ожерелье.
Но девушку звали, и рядом шумели.
Она убежала. Какая печаль!

1836

РАЗДУМЬЯ НА БЕРЕГУ КУРЫ

Иду, расстроюсь, на берег реки
Тоску развеять и уединиться.
До слез люблю я эти уголки,
Их тишину, раздолье без границы.

Ложусь и слушаю, как не спеша
Течет Кура, журча на перекатах.
Она сейчас зеркально хороша,
Вся в отблесках лазури синеватых.

Свидетельница многих, многих лет,
Что ты, Кура, бормочешь без ответа?
И воплощеньем суеты сует
Представилась мне жизнь в минуту эту.

Наш бранный мир — худое решето,
Которое хотят долить до края.
Чего б ни достигали мы, никто
Не удовлетворялся, умирая.

Завоеватели чужих краев
Не отвыкают от кровавых схваток.
Они, и полвселенной поборов,
Мечтают, как бы захватить остаток.

Что им земля, когда, богатыри,
Они землю завтра станут сами?
Но и миролюбивые цари
Полны раздумий и не спят ночами.

Они стараются, чтоб их дела
Хранило с благодарностью преданье,
Хотя, когда наш мир сгорит дотла,
Кто будет жить, чтоб помнить их деянья?

Но мы сыны земли, и мы пришли
На ней трудиться честно до кончины.
И жалок тот, кто в памяти земли
Уже при жизни станет мертвечиной.

1897

К ЧОНГУРИ

Твои причитанья, чонгури,
То вздох, то рыданье навзрыд.

Твоей нелюдимой натуре
Неведомы смех до упаду,

Улыбка, безоблачность взгляда.
Секрет их тебе не открыт.

Безрадостно брови нахмуря,
Ты вдаль загляделась с досадой.
Твой звук о былом говорит.

1837

МОЕЙ ЗВЕЗДЕ

На кого ты вечно в раздраженье?
Не везет с тобой мне никогда,
Злой мой рок, мое предназначенье,
Путеводная моя звезда!

Из-за облаков тебя не видя,
Думаешь, я разлюблю судьбу?
Думаешь, когда-нибудь в обиде
Все надежды в жизни погребу?

Наша связь с тобой как узы брака:
Ты мне неба целого милей.
Как бы ни терялась ты средь мрака,
Ты мерцанье сущности моей.

Будет время, — ясная погода,
Тишина, ни ветра, ни дождя, —
Ты рассыплешь искры с небосвода,
До предельной яркости дойдя.

1897

НАПОЛЕОН

Взором огромную Францию меряя,
Мысленно вымолвил Наполеон:
«Необозримы границы империи.
Жертвы оправданны. Мир покорен.

Дело исполнено. Цели достигнуты.
Имя мое передастся векам.
Мощное здание порядка воздвигнуто.
Что еще лучшего я создам?

Этим и надобно ограничиться.
Но не могу я ничем быть стеснен.
Слава не стала моею владычицей:
Я управляю потоком времен.

Впрочем, быть может, другой ей приглянется,
Если судьбе я своей надоем?
Нет, она верной навек мне останется.
Все я ей дал и пожертвовал всем».

Наполеон и соперник? — Не вяжется.
Он не потерпит ни с кем дележа.
Он и в могиле, наверно, разляжется,
Руки крест-накрест свободно сложа.

Годы проходят, и сказкою прежнею
Кажется гения этого дар.
Пламени ярче и моря безбрежнее
Этот бушующий ночью пожар.

1839

КНЯЖНЕ Е[КАТЕРИ]НЕ Ч[АВЧАВА]ДЗЕ

Ты силой голоса
И блеском исполненья
Мне озарила жизнь мою со всех сторон.
И счастья полосы,
И цепи огорчений.
Тобой я ранен и тобою исцелен.

Ты средоточие
Любых бесед повсюду.
Играя душами и судьбами шутя,
Людьми ворочая,
Сметая пересуды,
Ты неиспорченное, чистое дитя.

Могу сознаться я:
Когда с такою силой
Однажды «Розу» спела ты и «Соловья»,
Во мне ты грацией
Поэта пробудила,
И этим навсегда тебе обязан я.

1839

СЕРЬГА

Головку ландыша
Качает бабочка.
Цветок в движенье.
На щеку с ямочкой
Сережка с камушком
Ложится тенью.

Я вам завидую,
Серьга с сильфидою!
Счастливец будет,
Кто губы жадные
Серьгой прохладною
Чуть-чуть остудит.

Богов блаженнее,
Он на мгновение
Бессмертье купит,
И мир безгрозия
В парах амброзии
Его обступит.

1839

МЛАДЕНЕЦ

Люблю младенца лепет из пеленок,
Как с неба на землю упавший дух,
Лепечет что-то райское ребенок
И улаживает материнский слух.

Надежно детский мир его устроен.
Он живо чувствует, что рядом мать,
И так в ее присутствии спокоен,
Что не боится взоры вокруг кидать.

Жизнь для него — нисколько не загадка.
Своим явленьем сам вменил он в долг,
Чтоб старшие склонялись над кроваткой,
Пока он голосит и не умолк.

Воркуй по-голубиному, младенец,
Болтай свое на языке сивилл.
Пока тебя, миров переселенец,
Своею ложью мир не отравил.

1839

ОДИНОКАЯ ДУША

Нет, мне совсем не жаль сирот без дома.
Им что? Им в мир открыты все пути.
Но кто осиротел душой, такому
Взаправду душу не с кем отвести.

Кто овдовел, несчастен не навеки.
Он сыщет в мире новое родство.
Но, разочаровавшись в человеке,
Не ждем мы в жизни больше ничего.

Кто был в своем доверии обманут,
Тот навсегда во всем разворожен.
Как снова уверять его ни станут,
Уж ни во что не верит больше он.

Он одинок уже непоправимо.
Не только люди — радости земли
Его обходят осторожно мимо,
И прочь бегут, и держатся вдали.

1839

* * *

Я помню, ты стояла
В слезах, любовь моя,
Но губ не разжимала,
Причину слез тая.

Не о земном уроне
Ты думала в тот миг.
Красой потусторонней
Был озарен твой лик.

Мне ныне жизнью всею
Предмет тех слез открыт.
Что я осиротею,
Предсказывал твой вид.

Теперь, по сходству с теми,
Мне горечь всяких слез
Напоминает время,
Когда я в счастье рос.

1840

МОЯ МОЛИТВА

Отец небесный, снизойди ко мне,
Утихомирь мои земные страсти.
Нельзя отцу родному без участия
Смотреть на гибель сына в западне.

Не дай отчаяться и обнадежь;
Адам наказан был, огнем играя,
Но все-таки вкусил блаженство рая.
Дай верить мне, что помощь мне пошлешь.

Ключ жизни, утоли мою печаль
Водою из твоих святых истоков.
Спаси мой челн от бурь мирских пороков
И в пристань тихую его причаль.

О сердцевед, ты видишь все пути
И знаешь все, что я скажу, заране.
Мои нечаянные умолчанья
В молитвы мне по благости зачти.

1840

* * *

Когда ты, как жаркое солнце, взопла
На тусклом, невзрачном моем кругозоре
И после унылых дождей без числа
Настали прозрачные, ясные зори,

Я думал, ты светоч над жизнью моей
В дороге средь мрака ночного и жути.
Куда ж ты? Как прежде, лучи эти лей.
Опять я в потемках стою на распути.

Я радость люблю и совсем не ворчун.
Свети мне, чтоб вновь на дорогу я вышел
И снова, коснувшись нетронутых струн,
В ответ твое дивное пенье услышал,

Чтобы в отдалении отзвук возник,
Чтоб нашим согласьем наполнились дали,
Чтоб, только повздоривши, мы через миг
Не помнили больше недолгой печали.

Едва на тебя набегут облака,
Кончатся радости все и забавы.
Пред этим мне всякая жертва легка,
И я для тебя отказался б от славы.

1840

МОИМ ДРУЗЬЯМ

В дни молодости, вашим утром ранним,
Легко заботы сбрасывайте с плеч.
Не придавайте важности страданьям,
Слезам невольным не давайте течь.

Спешите за минутами вдогонку,
От них не отставая ни на миг.
Как резонерство раннее ребенка,
Уроdlив молодящийся старик.

Хвалю того, кто соблюдает время
И весь свой век по возрасту живет.
Перегорит и он страстями всеми,
Переберет и он весь мир забот.

Но в зрелости, когда ваш первый шепот
Насильно сменит дня корыстный шум,
Вот что советует мой горький опыт,—
Я это говорю не наобум,—

Не увлекайтесь львицей и кокеткой:
Она жива, красива, молода,
Всегда занята и умна передко,
Но полюбить не может никогда.

1841

* * *

Что странного, что я пишу стихи?
Ведь в них и чувства не в обычном роде.
Я б солнцем быть хотел, чтоб на восходе
Увенчивать лучами гор верхи;

Чтоб мой приход сопровождали птицы
Безумным ликованьем вдалеке;
Чтоб ты была росой, моя царица,
И падала на розы в цветнике;

Чтобы тянулось, как жених к невесте,
К прохладе свежей светлое тепло;
Чтобы существованьем нашим вместе
Кругом все зеленело и цвело.

Любви не понимаю я иначе,
А если ты нашла, что я не прост,
Пусть будет жизнь избитой и ходячей —
Без солнца, без цветов, без птиц и звезд.

Но с этим ты сама в противоречье,
И далеко не так уже проста
Твоя растущая от встречи к встрече
Нечеловеческая красота.

1841

* * *

Я храм нашел в песках. Среди тьмы
Лампада вечная мерцала,
Неслись Давидовы псалмы,
И били ангелы в кимвалы.

Там отрясал я прах от ног
И отдыхал душой разбитой.
Лампады кроткий огонек
Бросал дрожащий свет на плиты.

Жрецом и жертвой был я сам.
В том тихом храме среди пустыни
Курил я в сердце фимиам
Любви — единственной святыне.

И что же, — в несколько минут
Исчезли зданье и ступени,
Как будто мой святой приют
Был сном или обманом зренья.

Где основанье, где престол,
Где кровельных обломков куча?
Он целым под землю ушел,
Житейской пошлостью наскуча.

Не возведет на этот раз
Моя любовь другого крова,
Где прах бы я от ног отряс
И тихо помолился снова.

1841

* * *

Глаза с туманной поволокою,
Полузакрытые истомой,
Как ваша сила мне жестокая
Под стрелами ресниц знакома!

Руками белыми, как лилии,
Нас страсть заковывает в цепи.
Уже нас не спасут усилия.
Мы пленники великолепья.

О взгляды, острые, как ножницы!
Мы славим вашу бессердечность
И жизнь вам отдаем в заложницы,
Чтоб выкупом нам стала вечность.

1842

ГИАЦИНТ И СТРАННИК

Странник

Гиацинт, где былая яркость твоя?
День ли, ночь — все пред ней забывалось на свете.
Где поляну дурманившая струя
Аромата, которым дышали соцветья?

Гиацинт

Я один. Я покинул родные края.
В мае там соловьи. Как в руках чародея,
Возвращается к жизни вся наша семья.
Всё в красе, всё в цвету. Только я сиротею
И в своем заточении, в оранжерее
Не услышу певца своего — соловья.

Странник

Разве ты ничего не нашёл тут взамен?
Жить внутри безопаснее ведь, чем снаружи.
Здесь тебя не достанут средь роскоши стен
Ни палящее солнце, ни зимняя стужа.

Г и а ц и н т

Что мне золото и серебро богача?
С мертвым воздухом комнат мне нечем делиться.
Ни росы по утрам, ни журчанья ключа,
Ничего нет хорошего в этой теплице,
И нельзя за плющом мне от солнца укрыться,
Ветерку шаловливые речи шепча.

С т р а н н и к

Ты не прав. А припомни суровую зиму.
Ты, наверное, был бы морозом побит.
А теперь пусть метели проносятся мимо,—
Ты от снега рукой человека укрыт.

Г и а ц и н т

Милый странник, на свете всему свое время,
Я умру и ожить не сумею в плену.
А на воле зимою цветочное племя
Лишь на время разлуки отходит ко сну.
Как ликуют, проснувшись, зеленые семьи,
Когда ласточки оповестят про весну!
Только я не смогу пробудиться со всеми,
На небесную синюю ширь не взгляну.

С т р а н н и к

Гиацинт, ты напомнил другой мне цветок.
Тот цветок — мой еще не изведанный жребий.
Он нуждается тоже в приволье и в небе.
Или, может быть, поздно, и он уж поблек?

* * *

Как змеи, локоны твои распались
По ниве счастья, по твоей груди,
Мои глаза от страсти разбежались.
Скорей оправь прическу! Пощади.

Когда же ветер, овевая ниву,
Заматывает локоны в клубки,
Я тотчас же в своей тоске ревнивой
Тебя ревную к ветру по-мужски.

1842

* * *

Мужское отрезвление — не измена.
Красавицы, как вы ни хороши,
Очарованье внешности мгновенно,
Краса лица — не красота души.

Печать красы, как всякий отпечаток,
Когда-нибудь сотрется и сойдет,
Со стороны мужчины недостаток:
Любить не сущность, а ее налет.

Природа красоты — иного корня
И вся насквозь божественна до дна,
И к этой красоте, как к силе горней,
В нас вечная любовь заронена.

Та красота сквозит в душевном строе
И никогда не может стать стара.
Навек блаженны любящие двое,
Кто живы силами ее добра.

Лишь между ними чувством все согрето,
И если есть на свете рай земной,
Он во взаимной преданности этой,
В бессмертной этой красоте двойной.

1842

МЕРАНИ¹

Мчит, несет меня без пути-следа мой Мерани.
Вслед доносится злое карканье, окрик враний.
Мчись, Мерани мой, несдержим твой скач и упрям.
Размечи мою думу черную всем ветрам!

Рассекай вихри, разрежай волны,
над горной кручей смелей лети.
Скачи быстрее, чтоб легче были нетерпеливому дни пути.
Не ведай страха, мой конь крылатый,
презирай бури, презирай зной,
Лети, не станет просить пощады самозабвенный
наездник твой.

Печали мало, если я брошу мою отчизну, моих друзей,
Если забуду семью, и кровных,
и нежный голос милой моей, —

¹ М е р а н и — крылатый вороной конь, популярный образ грузинской мифологии и древней поэзии.

Твоей дорогой мой брат грядущий проскачет смелый,
быстрее меня
И, поравнявшись с судьбиной черной, смеясь,
обгонит ее коня.

Мчит, несет меня без пути-следа мой Мерани.
Вслед доносится злое карканье, окрик враний.
Мчись, Мерани мой, несдержим твой скач и упрямя,
Размечи мою думу черную всем ветрам!

1842

МОГИЛА ЦАРЯ ИРАКЛИЯ

*Князю М. П. Баратаеву*¹

Перед твоей могильною плитой,
Седой герой, склоняю я колени.
О, если б мог ты нынешней порой
Взглянуть на Грузию, свое творенье!

Как оправдалось то, что ты предрек
Пред смертью стране осиротелой!
Плоды тех мыслей созревают в срок.
Твои заветы превратились в дело.

Изгнанников теперешний возврат
Оказывает родине услугу.
Они назад с познаниями спешат,
Льды севера расплавив сердцем юга.

¹ Баратаев — русифицированная форма фамилии Бараташвили. Стихотворение посвящено родственнику поэта.

Под нашим небом эти семена
Дают тысячекратный плод с десятка.
Где меч царил в былые времена,
Видна рука гражданского порядка.

Каспийское и Черное моря —
Уже нам не угроза. Наши братья,
Былых врагов между собой мира,
Из-за границы к нам плывут в объятья.

Покойся сном, прославленный герой!
Твои предвиденья сбылись сторицей,
Мир тени царственной твоей святой,
Твоей из слез воздвигнутой гробнице.

1842

**НАДПИСЬ НА АЗАРПЕШЕ
КНЯЗЯ БАРАТАЕВА**

Сладость нальешь —
Радость найдешь.
Пей на здоровье.

1842

ЗЛОБНЫЙ ДУХ

Кто навязал тебя мне, супостата,
Куда ты заведешь меня, вожак?
Что сделал ты с моей душой, проклятый!
Что с верою моею сделал, враг?

Ты это ли мне обещал вначале,
Когда ты обольщал меня, смутьян?
Твой вольный мир блаженства без печали,
Твой рай, суленый столько раз,— обман.

Где эти обещанья все? Поведай!
И как могли неожиданно ослабеть
И уж не действуют твои беседы?
Где это все? Где это все? Ответь!

Будь проклят день, когда твоим обетам
Пожертвовал я сердца чистотой,
В чаду страстей, тобою подогретом,
И в вихре выдумки твоей пустой.

Уйди и скройся, искуситель лживый!
По милости твоей мне свет не мил,
Ты в цвете лет растлил души порывы.
О, горе тем, кого ты соблазнил!

1843

* * *

Вытру слезы средь самого пыла
И богине своей, и врагу.
Пламя сердца, как ладан кадила,
Не щадя своих сил, разожгу.

Светозарность ее мне на горе,
В нем она неповинна сама.
Я премудрость ловлю в ее взоре
И схожу от восторга с ума.

Как ей не поклоняться с любовью?
Красоте ее имени нет.
Только ради ее славословья
Я оставлю в поэзии след.

1843

ЧИНАРА

На берегу могучая чинара
Над кручею раскинулась шатром,
Тенистое убежище от жара,
Приют полураздумий-полудрем.

Шумит Кура, чинару в колыбели
Качает ветер, шелестит листва.
Едва ли это шум без цели:
В нем слышатся какие-то слова.

Как любящий возлюбленную, яро
Целует корни дерева Кура,
Но горделиво высится чинара,
Чуть-чуть качая головой шатра.

Повеет ветер, и одною дрожью
Забьются и чинара и река.
Как будто все у них одно и то же.
Одна и та же тайна и тоска.

1844

* * *

Ты самое большое чудо божье.
Так не губи меня красотой своей.
Родителям я в мире всех дороже —
У нас в семье нет больше сыновей.

Я человек простой и немудрящий.
Подруга — бурка мне, а брат — кинжал.
Но будь со мною ты, в дремучей чаще
Мне б целый мир с тобой принадлежал.

1845

**Е[КАТЕРИ]НЕ, КОГДА ОНА ПЕЛА
ПОД АККОМПАНеМЕНТ
ФОРТЕПЬЯНО**

Звуки рояля
Сопровождали
Наперерыв
Части вокальной
Плавный, печальный
Речитатив.

Ты мне все время
Слышалась в теме,
Весь я был твой.
В смене гармоний,
В гулкой погоне
Их за тобой.

Мало-помалу
Ты распрямляла
Оба крыла.

И без остатка
Каждою складкой
В небо плыла,

Каждым изгибом
Выгнутых дыбом
Черных бровей,
Линией шеи,
Бездною всею
Муки моей.

1941

* * *

Осенний ветер у меня в саду
Сломал нежнейший из цветов на грядке,
И я никак в сознание не приду,
Тоска в душе, и мысли в беспорядке.

Тоска не только в том, что он в грязи,
А был мне чем-то непонятым дорог,—
Шаг осени услышал я вблизи,
Отцветшей жизни помертвелый шорох.

1842

* * *

Когда мы рядом, в необъятной
Вселенной, — рай ни дать ни взять.
Люблю, люблю, как благодать,
Лучистый взгляд твой беззакатный.
Невероятно! Невероятно!
Невероятно! Не описать!

Приходит время уезжать.
Вернусь ли я еще обратно?
Увижу ли тебя опять?
Невероятно! Невероятно!
Невероятно! Не описать!

С годами гуще тени, пятна
И резче возраста печать.
О, если б снова увидеть
Твою божественную стать!
Люблю твой облик благодатный.
Невероятно! Невероятно!
Невероятно! Не описать!

* * *

Цвет небесный, синий цвет,
Полюбил я с малых лет.
В детстве он мне означал
Синеву иных начал.

И теперь, когда достиг
Я вершины дней своих,
В жертву остальным цветам
Голубого не отдам.

Он прекрасен без прикрас.
Это цвет любимых глаз.
Это взгляд бездонный твой,
Напоенный синевою.

Это цвет моей мечты.
Это краска высоты.
В этот голубой раствор
Погружен земной простор.

Это легкий переход
В неизвестность от забот
И от плачущих родных
На похоронах моих.

Это синий, негустой
Иней над моей плитой.
Это сизый, зимний дым
Мглы над именем моим.

[ЧАША]¹

Мастера посудного изделье,
Я звеню у Марты на столе
И разглаживаю средь веселья
У гостей морщины на челе.

¹ Это четверостишие было написано на чаше Марты Эристави-Сологашвили.

СУДЬБА ГРУЗИИ

ПОЭМА

ПОСВЯЩЕНИЕ КАХЕТИНЦАМ

Кахетинцам, истинным грузинам,
Маленького Каха¹ землякам,
Эта речь о времени старинном,
О царе, навеки близком нам.

Образ гордости и славы нашей,
Как он видится мне самому,
Посвящаю вашему бесстрашью,
Жизнерадостности и уму.

И когда у вас заходят чаши
И раздастся величаний гром
На торжественной пирушке вашей,
Помяните автора добром.

¹ Маленький Ках (Патара Кахи) — царь Ираклий II (1716—1798), прозван был так за свой маленький рост. Ираклий II объединил Кахетию и Карталини.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«Господи, спаси и дай победу!
Свой народ тебе я предаю,
Ты ведь знаешь сам, какие беды
Обступили Грузию твою.
Господи, враги неисчислимы.
Помоги нам, боже, в эти дни.
Пронеси свой гнев господень мимо,
Грузию спаси и сохрани».

Так молился в лагерной палатке
Царь Ираклий, рвением горя.
Были жарки накануне схватки
Слезы сокрушенного царя.
На Крцаниси¹ для отпора шаху
Стало войско твердою ногой.
Здесь придется маленькому Каху
Силами помериться с Агой.

С юга показались персияне.
Небо в эти страшные часы
Изливало на поле сиянье
В блеске всей полуденной красы.
Царь сказал: «Гляди, моя дружина,
Как заносчив нечестивый враг.
Слушай, воинство мое! Грузины,
Судьбы Грузии у вас в руках.

¹ К р ц а н и с и — местность около Тбилиси, где в 1795 году произошло кровопролитное сражение небольшого войска грузин с полчищами Ага-Магомет-хана.

Отдадим ей все, что только можно.
Я надел, как вы, простой доспех.
Ныне выяснится непреложно,
Кто отчизну любит больше всех».

«Счастье, — отвечало войско хором, —
Что ты сам здоров и невредим,
Стыд робеть таким волкам матерым
С бравым предводителем таким!
Только ты живи и долгоденствуй.
За тебя отрадно умереть:
Что нам враг, когда для нас блаженство
Знать тебя в живых и лицезреть».

Царь был рад ответу ополчения.
Тут его любили, как отца.
Трубы затрубили наступленье.
Встрепенулись ратников сердца.
Кто, слышав эти переливы,
Не захочет броситься вперед?!
В чьей душе, и в самой боязливой,
Звук трубы отваги не зажжет?
Разгорелся жаркий бой. Грузины
Ринулись на персов, словно львы.
Кровь ручьями хлынула в низины
И в Куру чрез луговые рвы.
Обе стороны схватились близко,
Бьются и не замечают ран.
Тут весь цвет страны — Тамаз Энисский,
Тут и Абашидзе Иоани.
Не слабеет общая решимость,
Царь — живой прообраз храбреца.
Несмотря на их неустрашимость,
Бой в разгаре, не видать конца.

Шапки вмиг надвинули грузины,
Взяли шашки, свистнули клинки,
И врубались хваткою старинной
В построенье вражье смельчаки.

Ночь границу положила бою.
У грузин беспорный перевес.
Царь Ираклий посмотрел вдоль строя.
Временный восторг его исчез.
Он уже не рад своей победе.
Юношам убитым нет числа.
Сколько неутешных слез в наследье
Эта битва близким принесла!
Их могил уже мы не застанем,
Имена рассеяны их в прах.
Памятника нет с напоминаем
О святых и славных их делах.
Тишина скрывает эти тени.
Спите мирно, тени! Все равно
Слух о вас лелеет провиденье.
Вам истлеть бесследно не дано.
Вечно живо, цело и сохранно,
Что в веках оставило печать,
И, покамест не забудут хана,
В Грузии вас будут вспоминать.

Царь сказал начальникам: «Нас мало.
Надобно врага предупредить,
Запереться в крепость Нарикалу,
И ее поспешно укрепить.
Здесь у хана мы как на ладони,
За стеной же, на крутой скале,
Он поверит, что при всем уроне
Мы еще в значительном числе.

Поговорка есть для обихода:
«Силу хитрость может превозмочь».
Согласились с этим воеводы
И ушли в Тбилиси в ту же ночь.

Утром были жители в унынье.
Город весь окутывал туман.
К Нарикале, крепостной твердыне,
Подступил с утра Магомет-хан.
Без успеха трое суток сряду
Била стены грозная орда.
Хан уж снял бы, может быть, осаду,
Если бы не новая беда.
Хоть никто не ждал ее отсюда,
Но пришла измена в их среду,
И, к стыду, их собственный Иуда
Предал их за небольшую мзду.
Царь хотел, открытием взбешенный,
Вылазкой отбросить персиян,
Чтоб поправить часть того урона,
Что нанес предателя обман.
Но уже последствия измены
Обрекали дело на тщету.
Дождаясь сдавшихся, надменно
Хан стоял на крепостном мосту.
Чуть ворвавшись в крепости пределы,
Он искал по всем углам того,
Кто отсрочивал ему так смело
И так долго это торжество.
А того уж поминай как звали.
Царский конь был силен и ретив.
Царь Ираклий был на перевале,
Честь победы персам сократив.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Шумную Арагву с двух сторон
Стиснули стеной лесистой горы.
Шум Арагвы удесятерен
Шумом их немолчного повтора.
Чудные Арагвы берега!
Яркие луга, деревьев шелест!
В Грузии кому не дорога
Ваша зеленеющая прелесть!
В этом месте едущий верхом,
Как бы ни спешил, с коня соскочит.
Горло освежит себе глотком,
Чуть подремлет, лоб водою смочит.
И хотя б потом он опоздал,
Он не опечалится у цели,
Что дорогой небольшой привал
Сделал средь цветущего ущелья.

Солнце заходящее горит
Средь раскинувшегося простора.
На открывшийся волшебный вид
Из шатра царь смотрит с косогора.
Вдаль вперив в рассеянности взгляд
И в руках перебирая четки,
Наблюдал Иракий, как закат
Догорает в этот миг короткий.
Рядом был советник Соломон.
Он стоял, глазами дали меря.
Кто о нем не слышал! Испокон
Заслужил он у царя доверье.

Долго ничего не говоря,
Любовался царь игрой потока,

Вдруг, смешавши зерна янтара,
Он проговорил, вздохнув глубоко:
«Соломон, тебе наперечет
Ведомы народные страданья,
Строй моей души и мыслей ход,
Нынешнего царства состоянье.
Долго я вначале был один
И ловил кругом косые взоры.
Я любви не встретил у грузин
И ни в ком не находил опоры.
И теперь, когда мечта моя
Окупает прежние усилья,
Что преподнесли мне сыновья
И кому при этом угодили?»

Хан отведал крови, как палач,
И угомонился только внешне.
У него от наших неудач
Положенье с каждым днем успешней.
Для лезгин настал желанный миг.
Только этого и ждут османы.
Грузию средь княжеских интриг,
Раздерут на части басурманы.
Как я ни бодрись в свои лета,
Силы главные мои иссякли.
Маленькому Каху — не чета
Твой седой теперешний Иракий.
Сам скажи: кому из сыновей
Мне в такие дни престол оставить?
Дальше будет только тяжелей.
Ну, так кто странною будет править?
Где же выход? Подскажи исход!
Вот решенья самые простые:

Русские — прославленный народ,
И великодушен царь России.
С ним давно уже у нас союз.
С ним меня сближает православье.
Кажется, я передать решушь
Власть над Грузией его державе».

Несколько мгновений Соломон
Собеседника глазами мерил.
Он был этим всем ошеломлен
И еще своим ушам не верил.
Но затем воскликнул: «Господин!
Дай тебе создатель долголетия.
Берегись, чтоб только до грузин
Не дошли предположенья эти.
Что стряслось такого до сих пор,
Чтоб отказываться от свободы?
Кто тебе сказал, что русский двор
Счастье даст грузинскому народу?
Что́ единство веры, если нрав
Так различен в навыках обоих?
Русским в подчинение попав,
Как мы будем жить в своих устоях?
Сколько пропадет людей в тени
От разлада с чувствами своими?
Не спеши, Ираклий, сохрани
По себе нетронутое имя.
Жизнь, пока ты жив, идет на лад,
А умрешь — тебе какое дело,
Как поправит рухнувший уклад
Будущий правитель неумелый?»

«Это мне известно самому,—
Отвечал Ираклий,— в том нет спору.

И, однако, что я предприму?
Где народу отыщу опору?
Я сужу ведь не как властелин,
Льющий кровь, чтоб дни свои прославить.
Я хочу, как добрый семьянин,
Дом с детьми устроенный оставить.
Для страны задача тяжела —
День за днем всегда вести сраженья,
Сам ты убедился, сколько зла
Принесло нам это поражение.

Хорошо еще, что Мамед-хан
Только главный город наш разграбил
И по деревням среди поселян
Меру зверства своего ослабил.
Требуется некий перелом.
Надо дать грузинам отдышаться.
Только у России под крылом
Можно будет с персами сквитаться.
Лишь под покровительством у ней
Кончатся гоненья и обиды
И за упокой родных теней
Будут совершаться панихиды».

Не стерпел советник. «Господин, —
Молвил он, — твой план ни с чем не сходен.
Презирает трудности грузин
До тех пор, покамест он свободен». —
«Верно, Соломон. Но сам скажи:
Много ли поможет это свойство,
Если под угрозой рубежи
В эту пору общего расстройства?
Я готов молчать, но не забудь,
Я предсказываю, в дни лихие

Сам повторишь ты когда-нибудь:
«Будущее Грузии в России».

Так советник со своим царем
С болью судьбы Грузии решали.
А в ущелье далеко кругом
Жили люди тою же печалью.
В это время поднялась луна.
Царь взглянул. Ночное небо в звездах.
Ширь Арагвы бороздит волна,
И еще свежее горный воздух.
Защемило сердце у царя.
Вспомнил он те времена со стоном,
Когда, власти в царстве не беря,
Он владел лишь кахетинским троном.
Юный, беззаботный, в цвете сил,
Вызывая в людях обожанье,
Он всегда в те годы выходил
Победителем из испытаний.
Он сказал, от прошлого вполне
Будучи не в силах отрешиться:
«Соломон, пора спуститься мне
В нашу разоренную столицу.
Но пред этим я б хотел хоть раз
Побывать в Кахетии родимой,
Какова, узнать, она сейчас,
Чем живет, какой нуждой томима?
Ей моя забота и любовь.
Ты ж, пожалуйста, не поленися,
Вся для въезда в город приготовь».
И советник выехал в Тбилиси.

Утром он на следующий день
Ехал через Ксанское ущелье.

Он свою семью под эту сень
Поселил в тревожные недели,
И естественно, что он с тропы
Завернуть решил к своим домашним.
Направляя к ним свои стопы,
Думал он о вечере вчерашнем:
«Слава, господи, путям твоим,
Одному ты вверил власть над краем.
Дурень и мудрец равны пред ним,
И его приказ непререкаем.
Как игральной костью, мы даем,
Царь, тебе играть своею долей,
Но не с тем, чтоб отдавать в заем
В третьи руки нашу жизнь и волю.
Пользуйся свободой для себя,
Возвышай нас и к величью двигай,
Но, правами злоупотребя,
Не передавай в чужое иго.
Может, случай с крепостью привел
До того царя в ожесточенье,
Что виной предателя он зол
И на остальное населенье?
Но Ираклий знает, как любим
В Грузии он от низов до знати.
Почему ж он сделался другим
И переменил свои понятия?
Но как знать? Возможно, лишь ему
Видимо вполне, что краю надо,
И доступное его уму
Не открыто для простого взгляда?»

В этих мыслях к дому подскакал
Наш советник по двору и лугу,
И на галерее увидал

Софью, верную свою супругу.
Выбежав навстречу до угла
И обнявшись с мужем у ограды,
На его лице она прочла
След заботы с первого же взгляда.
«Что с царем?» — она спросила, вдруг
Угадавши, чем советник болен.
«Кажется, грузинами, мой друг
Софья, наш Ираклий недоволен.
Он молчит и хмурится. Хотя
Это спорно, я такого мнения:
Он нас всех намерен не шутя
Наказать за неповиновенье.
Кажется, он русскому царю
С Грузией отдастся под защиту.
То-то будет время, посмотрю!
Вкруг грузинок франты, волокиты!
В Петербурге чем не благодать?
В государе вы отца найдете,
В государыне — вторую мать.
Жизнь начнется в холе и почете.
Роскошь, просвещенная среда,
Развлеченья, пышные палаты
Вас забыть заставят без труда
Лязг оружия, войны и утраты.
Рядом будут люди вам под стать.
И средь образованного барства
Кто опять захочет увидеть
Грузии истерзанное царство?»

«Пусть умру я раньше, чем пойду
Домогаться счастья на чужбину.
Изменив родимому гнезду,
Я вдали иссохну от кручины.

Можно ли к немилому жилью
Душу привязать отделкой редкой?
Голая свобода соловью
Все ж милей, чем золотая клетка.
Стоят ли богатство и почет,
Чтоб лишаться ради них свободы?!
Дома загрустится от забот —
Есть с кем обсудить свои невзгоды.
Разве так заманчивы места
У царя чужого и царицы?
И у нас есть царская чета —
Ею следовало бы гордиться».

Думал ли советник, что средь бед
Будет сердце женское так твердо?
Крепко обнял он жену в ответ,
Радуюсь ее словам и гордый.
Женщины былого, слава вам!
Отчего, святые героини,
Ни одна из женщин больше нам
Вас напомнить не способна ныне!
Стынет в женщинах душевный пыл.
Без него теплей в столичной шубе.
Ветер севера оледенил
В жилах их следы отчизнолюбья.
Что им там до братьев, до сестер?
Им бы только жизнью наслаждаться.
Грузия? Грузины? Что за вздор!
Разве важно, как им называться?

Царь стоял и слезы проливал
Над тбилисской страшною картиной.
Он нашел обломки стен, развал,
Дым пожарищ, кругозор пустынный.

Он нигде не встретил ни души,
Лишь, как горький ропот, то и дело
Раздавался плеск Куры в тиши.
Лишь она от персов уцелела.
Вновь в Тбилиси двинулся народ,
Услыхав, что царь опять в столице.
Частью вновь отстроясь, в свой черед
Город уж не мог восстановиться.
Мирно годы отдыха прошли.
Вновь Ираклий ощутил желанье
Вынуть меч за горести земли,
Персам и лезгинам в воздаянье.
Было в старости ему дано
На османов вновь обрушить силы,
Но все было раньше решено,
Ибо сердце царское давно
Твердо судьбы Грузии решило.

1839

СОДЕРЖАНИЕ¹

<i>Л. Каландадзе. Николоз Бараташвили</i>	5
---	---

СТИХОТВОРЕНИЯ

Соловей и роза	21
Кетевана	23
Сумерки на Мтацминде	25
Таинственный голос	27
Дяде Григолу	29
Ночь в Кабахи	30
Раздумья на берегу Куры	33
К чонгури	35
Моей звезде	36
Наполеон	37
Княжне Е[катери]не Ч[авчава]дзе	39
Серьга	40

¹ Стихотворение «Мерани» перевел М. Лозинский. Все остальные стихотворения и поэма «Судьба Грузии» даются в переводах Б. Пастернака.

Младенец	41
Одинокая душа	42
«Я помню, ты стояла...»	43
Моя молитва	44
«Когда ты, как жаркое солнце, взопла...»	45
Моиm друзьям	47
«Что странного, что я пишу стихи?...»	49
«Я храм нашел в песках. Среди тьмы...»	51
«Глаза с туманной поволокою...»	53
Гиацинт и странник	54
«Как змеи, локоны твои распались...»	56
«Мужское отрезвление — не измена...»	57
Мерани	59
Могила царя Ираклия	62
Надпись на азарпеше князя Баратаева	64
Злобный дух	65
«Вытру слезы среди самого пыла...»	67
Чинара	68
«Ты самое большое чудо божье...»	69
Е[катери]не, когда она пела под аккомпанемент фортепяно	70
«Осенний ветер у меня в саду...»	72
«Когда мы рядом...»	73
«Цвет небесный, синий цвет...»	74
[Чаша]	76
СУДЬБА ГРУЗИИ. <i>Поэма</i>	77

Николоз Бараташвили

Лирика

Редактор

Э. Джалиашвили

Художественный редактор

Г. Кудрявцев

Технический редактор

В. Гриненко

Корректор

Г. Асланянц

Сдано в набор 1/II 1967 г.
Подписано в печать 29/VI 1967 г.
Бумага типографская № 1
Формат $70 \times 108 \frac{1}{32}$ —3 печ. л. = 4,2 усл.
печ. л. 2,53 уч.-изд. л. Тираж 50 000
Заказ № 79. Цена 17 коп.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19

Тульская типография
Главполиграфпрома
Комитета по печати
при Совете Министров СССР
Тула, проспект им. В. И. Ленина, 109